

РАССКАЗЫ

БЕСЕДЫ У ГОЛУБОГО ЭКРАНА

I. Переговоры

Он приехал с четырьмя детьми и беременной женой к теще в гости и сразу наткнулся на ее уничижительный взгляд: ах, зять-зять, ничего-то ты не умеешь делать – только детей!

– Надежда Михайловна, – сразу воскликнул он. – Как вы хорошо выглядите! Тата, не визжи (это средней дочери уже).

– Папа, я так люблю бабушку, что не могу успокоиться!

– Надя, Надя! – закричала из комнаты восьмидесятилетняя мать тещи. – Выведи меня на балкон.

– Что? – Надежда Михайловна выключила звук в маленьком телевизоре, что стоял у нее на кухне. – Зять, выведи ее на балкон, у меня пирог в духовке пошел... (и она снова прибавила звук).

Он взял под руки старушку и повел ее – усадил в кресло на балконе.

Надежда Михайловна принесла большой рыбный пирог и вздохнула:

– По телевизору слышала: в многодетной семье выросла знаменитая певица!

– Надя! Надя! – истошно закричала с балкона старушка.

– Зять, сходи – узнай, что надо... – и Надежда Михайловна заставила дочь разрезать пирог, а сама ушла на кухню за приборами.

Он вышел на балкон: старушка тыкала в воздух своей тростью:

– Семь, восемь, девять! Я правильно сосчитала – их восемь?

– Кого, чего?

– Девять цветков расцвело на том балконе? – она продолжала водить тростью по воздуху.

Он сосчитал огромные лиловые цветы среди вьющейся зелени, что покрывала балкон соседнего дома – да, было девять.

– Сейчас только вот по телевизору слышала, что в многодетной семье вырос известный изобретатель, – сообщила Надежда Михайловна.

Она вырастила четверых детей. Но ни один из них не стал знаменитостью.

«Возможно, Фрейд бы счел, что дочь Надежды Михайловны рождает, это... подсознательно подражая матери», – подумал зять, но ничего не произнес.

А тесть Виктор Алексеевич распечатал бутылку водки и сказал так:

– Надо переговоры с Колей заказать, вот что! Коля у нас в Ростове живет, закончил институт на одни пятерки! Так что, зять, готовься: сейчас выпью и закажу переговоры, междугород...

– Да уж, готовься, зятек! – вся засветилась Надежда Михайловна. – Коля у нас – у! Ученый! Там такое языкознание, у-у!..

Выпили за приезд. И Виктор Алексеевич пошел к телефону:

– Алё, говорит начальник сбыта... Ну, зять, готовься! Алё, мне переговоры с Ростовом-на-Дону...

Зять мысленно заметался: что же такого умного сказать? Может, про Фрейда – его теорию о подсознательном... так кто ж не знает?!

– На речку пойдём? – кричала Тата. – Бабушка, а речка живая?

– Надя! Надя! – снова истошно закричала с балкона старушка. – К вам хочу!

– Зять, приведи ее! – попросила Надежда Михайловна. – И готовься! С Колей будем говорить, у!

Он привел старушку и усадил на диван возле стола. Она сразу спросила:

– Надя, сколько у меня было сестер – пять? Я правильно вспомнила? Нет? Шесть?.. Да, Нюра еще, шесть! Господи, прости меня!

– Все, заказал! Ну, зять, ты готов? – Виктор Алексеевич налил водки всем, кроме дочери. – Ты в положении, тебе нельзя!

– Тёма, почему не ешь пирог? – угощала внука Надежда Михайловна. – Мама, скажи-ка, Тёма – вылитый Коля! Сейчас с ним будем говорить по телефону... Ты, Тёма, будешь с дядей разговаривать? Стихи ему прочтешь, да? Готовься давай!

Тёма вопросительно поглядел на отца: что сказать дяде Коле?! А тот сам метался: водка «Жириновский», купленная тестем, внутри организма не способствовала процессу мышления. Через минуту бутылка из-под водки «Жириновский» была уже под столом, и там она казалась более уместной. Может, об этом сказать Коле?..

– Папа, а когда у Сони было сотрясение мозга, ей сделали искусственное дыхание? И она сейчас дышит искусственным дыханием? – спросил Тёма.

– Тихо, дали Ростов! – Тесть побежал к аппарату. – Коля?! Это ты? Коля, тут сестра твоя приехала, да, с мужем, детьми и еще одного ждет! Ну, ты вот сам у нее спроси, сошла она с ума или нет... Подожди, тут мать с тобой хочет поговорить, даю трубку!

– Коля? – счастливым голосом закричала Надежда Михайловна. – Ну, как у вас погода? А у нас все хорошо! Все хорошо-о! Картошка уже всюю цветет, да! Подожди, тут Тёма хочет с тобой поговорить, даю трубку. Тёма, иди поговори с дядей Колей!

Виктор Алексеевич перехватил трубку.

– Коля! Подожди! После с Тёмой, я вот что хотел спросить: как Оля? Не Толя, а Оля как? Хорошо? Ну и хорошо... Все хорошо, да и все! Выпили немного, для здоровья. За твоё здоровье? Нет, за твоё здоровье еще не пили, сейчас нальём... мать, неси мне выпить за его здоровье... нет, вино там, яблочное... Вы губернатора выбрали? Ты за кого голосовал-то? Вот, тут, Коля, мать мне налила – пью за твоё здоровье! Слышишь (буль-буль-буль)...

– Зятю дай трубку! – кричала Надежда Михайловна. – Зятю!

– Какому зятю, кончилось пять минут, – Виктор Алексеевич поставил бокал на холодильник, а трубку положил на аппарат. – Хорошо поговорили!

– Очень даже хорошо, – блаженно подтвердила Надежда Михайловна. – Я ведь сразу сказала: Коля у нас ого-го! Языкознание...

Она тут же взяла снова в руки телефон: позвонить подруге.

– Лидия Павловна? Здравствуй, дорогая Лидия Павловна! Я тебе вот что хочу сказать: сейчас с Колей мы заказывали переговоры. Очень хорошо поговорили, конечно... Коля у нас, сама знаешь, какой!.. А? Что? Не может быть! Неужели Полина приехала! Так вы к нам сейчас приходите! Ничего не надо, у нас все есть: вино, пироги, жду вас!

II. Прокати нас, Петруша...

Подруга Лидия Павловна пришла не одна, а с какой-то незнакомой женщиной, и Надежда Михайловна сначала недоуменно помолчала, а потом вдруг как закричит:

– Полина! Да ты откуда? Вот не узнать, так не узнать! Из Челябинска? Ну и ну! Мама, ты узнаешь Полину-то? Десять лет назад мы с тобой на похороны ходили еще: муж у нее помер...

– Павлина? – вспомнила старушка.

– Она меня Павлиной звала.

– Она тебя Павлиной... А вы где с Лидией Павловной встретились?

– Я позвонила ей, как приехала...

Женщины расплакались, накрыли изобильно стол, разлили по стаканам бутылку водки, полрюмки даже бабушке дали.

– А мы сейчас с Колей разговаривали! Какая дружная у нас семья – что еще надо мне?! Вот дожита: дети и внуки есть – ничего больше и не надо, – начала Надежда Михайловна, – дочь, зять, где вы? Идите с нами.

– Беременным нисколько нельзя водки, – отстранил зять рюмку, протянутую Лидией Павловной в сторону жены его.

– Да уж и нельзя! Я вон выпивала с Наткой, а какая девка красивая выросла! Замужем за зубным техником, и все мы им купили на свадьбу: ковер, стенку, цветной и мотоцикл – все! Так что пей, и без разговоров.

– Нельзя ей: она не беременная-то от ста грамм путает Окуджаву с Акутагавой, а уж...

Тут Полина с Лидией Павловной переглянулись значительно: мол, какие-то ученые у Надежды Михайловны пошли зятя, в ответ на что Надежда Михайловна повела обеих подруг в детскую, где внучка переводила из рисунка в краски портрет невестки Оли.

– Вылитая Оля! Вылитая! – хором закричали гости и стали нахваливать девочку.

– Внуки вот рисуют, учатся хорошо, что еще надо человеку! – говорила Надежда Михайловна.

Женщины вернулись к столу, где уже успела задремать бабушка. Однако она тут же очнулась и спросила:

– Ну как, Павлина, вы с дочерьми живете?

– Старшую выдала нынче замуж, – скромно отвечала Полина, совсем ничем не напоминая паву. – Ну, а у тебя, Лидия Павловна, где муж нынче?

– Директора возит.

– Хорошо вам!

– А что хорошего? С этим начальством никаких выходных: то рыбалка, то охота. Праздников не видим... И во сколько тебе, Полина, свадьба дочери обошлась?

– Заняла, да как... всего триста рублей ушло, а потом зять-то запил... так мне денег жалко, так и дочь жалко. С тоски поехала в отпуск. На могилку к маме, да к мужу хоть... Уехала зря я отсюда!

– Выпейте нашего вина, – налил всем Виктор Алексеевич, сам, однако, собравшийся покинуть женское застолье. – Мне пора его и переливать, бутылки помыть. Помогите мне, зять!

Тут Лидия Павловна, у которой муж возит директора, тоже стала жаловаться на судьбу:

– Вот, Полина, посмотри! Все мы Наташке покупаем, а ей мало! Совсем девка обнаглела: шубу просит в подарок, а уж сколько можно дарить! А? Полина, скажи!

Полина в ответ молча кивнула.

– Мы ж пальто зимнее ей справили, – продолжала Лидия Павловна, – не подходит. Говорит: тяжелое, мол, в нем упадешь – не встанешь. А зачем падать-то?! Правда, Полина?

Полина кивнула снова. Бабушка мирно дремала, уронив голову на руки. Надежда Михайловна решила взбодрить компанию:

– А давайте споем! Зять, иди к нам петь! У него голос есть! Зя-ять! Такой голос у него! Зя-ять, иди!

– Сейчас, детей надо с улицы загнать да уложить, – ответил он.

- Ну-ка, что она там нарисовала? – повела подруг в детскую Надежда Михайловна, где внучка уже перевела лицо в краски.
- Хорошо! – сказала Лидия Павловна.
- Она умница у нас! – добавила Надежда Михайловна и пальцем ткнула в портрет.
- Бабушка! Что ты делаешь! Размажешь! – закричала внучка.
- Все-все, уходим. Молодец ты! Как рисует, а? Полина?
- Рисует здорово, – ответила Лидия Павловна. – Вылитый Шурик! Вылитый!
- Зять, пошли петь! Дочь, затягивай! – стояла на своем Надежда Михайловна. Она разлила всем вина и завела свою любимую:

По дороге, по ровной, по тракту ли,
Все равно нам с тобой по пути!
Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати...

Женщины подхватили песню, так что бабушка очнулась и прослезилась – то ли от выпитого, то ли от впечатления.

Когда песня кончилась, Надежда Михайловна значительно толкнула локтем свою дочь:

– А ты знаешь, что этот самый Петруша сейчас живет? Живой! По телевизору передавали. Вот какой человек! Его жгли, огнем пытали, а он живой.

– Да, в Омске, кажется, живет, – вставил информацию зять, проходя мимо с чистой двадцатилитровой бутылью.

– И вот я к нему поеду, как выйду на пенсию. Да, через два месяца поеду.

– Мама, да ты что? Как ты ему это объяснишь: свой приезд?

Виктор Алексеевич насмешливо обронил, проходя мимо с бутылками:

– Ему уже девяносто лет, твоему Петруше, он уже ничего не может.

– А мне ничего и не нужно, правда, Полина?

Полина не ответила, зато дочь Надежды Михайловны очень взволновалась:

– Мама, ну что ты задумала? Зачем ты поедешь?

– Поеду, скажу: «Я тебя люблю, тобой живу, твою песню всю жизнь пою!» Ведь это какой человек! Я поеду к нему обязательно!

– Мама, ну а папа-то что?

Виктор Алексеевич стал почему-то быстрее бегать с бутылками туда-сюда, за-нервничал, того и гляди уронит-разобьет двадцатилитровую посудину.

– Пусть едет, пу-усть, – говорил он каждый раз, когда пробежал мимо: то с грязной, то с чистой бутылью.

– Надя, ты чего?! – стала урезонивать подругу Лидия Павловна. – Мало выпила? Давай сходим в ресторан, я водки еще возьму. Добавим. И будет хорошо. Да ведь, Полина?

Полина сидела притихшая и смотрела на Надежду Михайловну неодобрительно. Дочь вообще испуганно ерзала и мужу повторяла:

– Ты не обращай внимания – выпила она лишнего.

– Вдивно выпила, – подтвердила бабушка.

– А я думаю: в кого у меня жена? – ответил он. – Вы знаете, Виктор Алексеевич, дочь ваша как поссорится со мной, так все к Окуджаве собирается ехать.

– Кто такой этот Окуджава?

– Давайте споем, – попыталась настроить веселье на прежнюю волну Лидия Павловна.

Но бабушка вдруг начала говорить:

– Вот и у меня. Надя, ты Федора помнишь – Матвеевских? Матвея Ивановича сына, да. Федор Матвеевич. Ох, он за мной ухлестывал – в девках я колды была, а потом мы поругались чего-то, он уехал, меня сватать стали, тятенька неволил

шибко, ну, со зла я за хозеина своего и вышла. Едем с венчанья, а Степанида прибегает: мол, Федька там ждет тебя. Пополотнела я, видать, вся, а хозеин видит, такое дело, лошадей в лес хозеин-от... да и заломал меня и нарушил, а я ривить: куда я такая-то Феденьке нужна...

Старушка прослезилась воспоминаниям:

– Шибко любел меня хозеин-от! Сарство ему небесное! Потом, колды его во враги народа записали, Федя приходил ино... Я не пустила уж. А потом и выписали хозеина из врагов. Даже и гумага есть: он выписан из врагов...

Выпили за покойничка, такого находчивого, выпили еще и за любовь, и тут Лидия Павловна, вздохнув, призналась:

– А ведь я тоже люблю, вы знаете! Кого! Лещенко! Да-да! Как он запоет, я не своя стаю, Виталий это замечает и кулаком то по телевизору бьет, то по башке мне, то по телевизору, то по мне!.. А чего сделаешь – люблю я его.

– Выпьем за Лещенко, – предложила Надежда Михайловна. – Да, Полина?

Полина не ответила. Виктор Алексеевич обратился к ней как к самому разумному человеку:

– Вот бабоньки, – перепились! Не можете, так не пейте!

– Спасибо за угошшэннэ! – грянуло вдруг из угла, где сидела бабушка.

– Папа, я спать пошла, – принесла портрет юная художница. – Вот, закончила.

– Ох! – воскликнула Лидия Павловна, глядя на портрет. – Вылитый Лещенко!

– Иди спать, иди, – отослал быстрее внуку Виктор Алексеевич. – Хоть бы ребенка-то постеснялись! Лещенко. Откуда он, Лещенко, тут? Да, Полина?

– А я тоже, – ответила Полина, – любила. И знаете кого? Безуглова из передачи «Человек и закон». Да-а. Он человек очень разумный, много знает, а я это всегда уважаю в мужчине. Но вот уже десять лет почти, как он умер...

– К кому же ты тогда поедешь? – спросил Виктор Алексеевич. – Надя вот – к Петруше, дочь – к Окутажаве, Лидия Павловна – к Лещенке, он ее ждет-не дождется. А жена Лещенки обо мне, наверно, мечтает. Ждет-не дождется.

– Не в этом дело. Я долго вспоминала об нем, а теперь опять вот выбрала: Пескова из передачи «В мире животных». И тоже он такой разумный, много знает, я его полюбила всей душой.

И она зарыдала.

АЙ-ЯЙ, ТУМАН В ГЛАЗАХ **В соавторстве с Вячеславом Букуром**

– Что вы здесь такие сидите? – закричала Лена. – Сами хотели сосватать меня с букинистом!

– Он теперь бывший букинист: уволен после запоя. Заходил к нам. И знаешь, уже пахнет.

– Русью? – запечалилась Лена. – Русью пахнет? А может, я бы его переделала...

– В ее голосе появились золотисто-теплые тона, как в хорошем вине.

– Нет, говорили хозяева, у него раньше нос был идеологического цвета, теперь цвет государственного флага сменился, и у него нос опять совпадает – там явно проглядывает триколор... Но Лена запустила в них убийственным аргументом:

– Мне, опять, что ли, на батуте в новогоднюю ночь прыгать! В обществе таких же пятидесятилетних дур, как я...

Она работала администратором в театре, куда к новогодним каникулам всегда привозили батут для кипучих детей.

– А по статистике, одинокие женщины живут дольше, чем замужние.

– Не нужна мне такая долгая жизнь. Зачем она?

– Возможно, мы тебя познакомим! Но с другим – с Михальчем! Если он придет, – хозяева стали нахваливать нового соседа по подъезду, которого все зовут Ми-

халычем, а на самом деле он – Вадим Бориславович (овдовел, с детьми поменялся, сам в однокомнатную сюда). – Первый тост: чтобы гости не переводились!

Лена слушала, становясь все более губастой. Она сделала себе к вечеру прическу в виде двух рек волос, протекающих по обе стороны лица.

– Кем же работает Михалыч, – поинтересовалась она.

– Есть такая профессия – хижины украшать.

– Дизайнер, что ли? Ну что ж, я тоже из интеллигентной семьи. Моя бабушка в тридцатые годы играла в казино.

– Главное, не пьет наш Михалыч, – отчаянно твердили как заклинание хозяева.

– Выпивает, но не пьет.

Этими заклятьями они боролись с образом пьющего сына, который то отдалялся, то назойливой мухой зависал над каждым.

– Ну что вы забуксовали: сын, сын. Сделайте же что-нибудь: почешите себя под правой коленкой... Думаете, трезвенники всегда лучше? Вспомните, как подсунули мне непьющего. И что же? Он предложил покурить анаши.

Тут пришли Хромовы, и Лена кинулась к ним: у вас-то с сыном все в порядке – Гоша ведь не пьет, не курит, в школе – золотая медаль, а в вузе – красный диплом!

– И сам он у нас красный, – гости выглядели еще более загнанными, чем хозяева.

Они рассказали, разбивая подступающие слезы мелкими стопками, что их Гоша вляпался в троцкизм, ходит в их кружок.

– Вчера снова Гоша был на троцкистском кружке, – в отравленном оцепенении продолжала Инна Хромова. – Ходили они по стеклу.

– По стеклу! Тогда это кружок имени Рахметова какого-то.

– Платят за это стекло психологу... чтобы научиться впадать в транс. Гоша говорит: нужно быть особым человеком для будущей борьбы с глобализмом, – тут стопка вовремя не подоспела, и мать троцкиста зарыдала: – я ему одно – миллионы погибли из-за таких идей! А он, как робот: «Потому и погибли, что не понимали своего счастья». Я ему: «Да Троцкий не лучше Сталина был бы».

Родители пьющего вынесли приговор: все коммунисты – шизофреники.

– Значит, наш Гоша болен? – спросил Игорь Хромов. – Но нет, если бы шизофреники, то были бы не виноваты.

Лена смотрела на друзей, как на капризных богачей: у них есть сыновья! А у нее уже не предвидится. Тут между всеми обнаружился кандидат в ее кавалеры, украшатель хижин.

И в самом деле оказался – ну один к одному Михалыч!

Он и до этого подозревал, что его приглашают не просто так, а знакомиться. Ну а что, дома лучше, что ли – сжимающие тоскливые силы трамбуют тебя почти до точки.

Глядя на все эти достойные лица, я хочу сказать тост, – Михалыч поднял крохотную черненую стопку. – Вот я ходил в гости к внуку и читал ему «Сказку о рыбаке и рыбке». Знаете, это же притча о человечестве, которое хочет все больше потреблять, а может оказаться у разбитого корыта...

– Так где же тост-то? – застонала Лена (те, которые говорят о человечестве, ни фига не разбираются в женской красоте!).

– Э... мысль прячется за холестеринной бляшкой, застревает. – Михалыч потряс гофрированной жиром головой.

Вот так-то лучше: о холестерине. Ближе к жизни. Поэтому Лена весело воскликнула:

– Выпьем за то, чтобы мысль пробивала все преграды!

В нижней квартире женский пронзающий голос вывел:

– Однажды морем я плыла на пароходе том...

С невозмутимым видом Михалыч подтянул:

– Ай-яй, туман в глазах, кружится голова, – голос его переливался, как Северное сияние.

Хромовы подхватили вразвал:

– Едва стою я на ногах, но я ведь не пьяна.

Эта песня – не их песня, но случай ее послал, а случай надо уважить. И вот они скользят от одного слова к другому, ожидая: ну когда же будет встреча мужского и женского начал. Кит-капитан уносит по морю любви в сладкое!

Тут и Лена подхватила – по-своему: руки раскинула по-кавказски, подпрыгнула с вывертом и вошла в волны песни. Показав, как сопротивлялась злодейскому обаянию капитана, покорно склонилась влево, как двурукая ива. А потом вообще поникла на диван, как бы под порывом горячего ветра. Но песня не дала ей лежать: она сорвала ее, подбросила, начала вскидывать руки, ноги, показывая узорные черные колготки. А кто же в этом виноват – конечно, капитан.

Михалыч поддался этому миру, который сотворил танец Лены. Но тут же спохватился: зазвали! Эта Лена – вулкан в юбке, ей не хватает устройства под названием *мужик*. Да, она красивее моей жены. Но я потерплю немного – десять лет, двадцать – и ТАМ с женой встречусь.

Конечно, Лена танцует... Но какие салаты готовила моя голубка – ни с каким танцем не сравнить! Салаты она любила ставить стоймя: хоть один лист – да стоймя стоит. Одним словом: жена дизайнера.

А переспать с плясуньей? – шепнули ему гормоны. – По-современному, в любовницы если. – Но это будет уже не жена, которой можно все объяснить: устал, там, я сегодня или не в настроении.

И зачем ему Лена, если в запасе памяти – цветущая яблоня на даче: вся белая и гудит! Это пчелы: в каждом цветке по пчеле, и идет работа. А ведь у них нет никакой личной жизни, но работают, и еще как! Равняйся на пчел, и так можно терпеть.

– Только раз бывает в жизни встреча, – затянул он.

– Эх раз, еще раз! – пыталась перебить его Лена.

Но все-таки она поняла, что ей не втиснуться в душу Михалыча, и мстительно заявила:

– Вчера слышала по телевидению: от икоты поцелуй помогает!

Вдруг Михалыч икнул. А Лена почувствовала, что... не хочет ему помогать. Одно дело – мужик в телевизоре, ему чем угодно хочется помочь, а другое – сидит по эту сторону экрана, подвыпил и мучается. А вдруг он это делает, чтобы...

Дальше все произошло мгновенно: звонок, сквозняк, и человек в коридоре с сумкой на плече: «Вам привет от доктора Бранда!» Потом вспомнились только ярко-красные губы и какая-то подземная бледность. Этот длинный человек заструился, приподнялся над полом, снова вскричал:

– Системный массажер! Лечит – ну все! В расцвете лет – проблемы вдруг, но тут как тут Академия наук...

– А дорого?

– Всего тысяча двести рублей... Вот смотрите: я вставляю батарейки, их ресурс – на весь курс. Теперь подставьте руку! – послал он властный пасс и волшебной клешней массажера прикоснулся сначала к женскому, а затем к мужскому запястью.

И чудо-клешня стала посылать щекочущую дрожь. Они захохотали враз от этой техногенной ворожбы – и муж, и жена... очнулись только тогда, когда массажер не работал, а торговец окончательно развеялся, предварительно побряцав ему одному видимыми орденами – «За поучение лохов».

О, тысяча двести! На них сколько же можно было купить! И заусенцы по одной стороне клешни простодушно говорили, что прибор даже не китайский, а изготовлен в подвале соседнего дома.

– Он с сумкой? – спросила Лена, хватая пальто.

Михалыч выскочил вместе с ней. Разговоры – это вдох! А дальше нужен выдох – задвигаться, вспылать, полететь, восстановить справедливость!!! Они помчались вниз по раздолбанной лестнице, которая пыталась образумить бегущих и старалась подвихнуть их лодыжки. Надписи пронеслись снизу вверх: «Петька – лох, объелся блох, подавился и подох».

– Выбегаем из подъезда: вы – направо, я – налево!

– Лена, одна вы с ним не справитесь!

Выскочив из подъезда, с его творческими миазмами, сразу увидели зыбкую фигуру в перспективе сходящихся домов. Молча, по-волчьи, они бросились вдогонку. А он, сделав вид, что это не он, быстро спросил: «Где здесь пятый подъезд?»

– Возле четвертого, – тяжело дыша, ответил Михалыч.

Молодой дистрибьютер увидел, что этот мужик похож на мафиози средней руки, и никуда не побежал, а только заблеял: «У меня мама больна!»

– Но ты-то сам ПОКА еще здоров, – со значением сказал ему Михалыч. – Давай деньги! А твой чудо-массажер мы тебе вернем.

Отдав деньги, офеня двадцать первого века пошел за Леной и Михалычем как на веревочке.

Дальше наступил торжественный момент, похожий на картину Веласкеса «Сдача Бреды»: Михалыч величественно вручил хозяевам тысячу двести, они по-королевски брезгливо возвратили флибустьеру уральских просторов безжизненную черную клешню.

Огрызки эстетического чувства подсказали «истребьютеру», как завершить ситуацию. Неизвестно откуда налившись силою, он промолвил сочными губами с видом богатого, щедрого родственника:

– Я к вам еще зайду. Попозже, – и исчез в теле Руси.

А Лена! Она стояла перед всеми, благоухая своими усилиями, и реки волос – что с ними случилось! Словно они пережили поворот рек.

После этого, само собой, выпили-крякнули.

– Есаул, саблю! – Михалыч боднул воздух лысой гофрированной головой.

Лена посмотрела на него с напряжением.

– Мы не алкоголики, хоть и выпиваем, – объяснил ей Михалыч.

– И не троцкисты, хоть и за справедливость, – подхватили хозяева.

Гоша – тогда еще не троцкист – защищал диплом о Нашем всём. И сказал вместо «Александр Сергеевич Пушкин» – «Александр Петрович». Все! Оппонент кулем брякнулся на стол в судорогах смеха. Зал ученых людей начинал смеяться каждый раз, когда звучало «Александр»...

После этого Гоша твердо решил: он не будет Епиходовым, за счет которого все чувствуют себя полноценными.

Он почти незаметно отчалил от литературоведения: поступил в аспирантуру по педагогике, съездил в Бостонский университет по обмену, написал повесть об этом и опубликовал ее в журнале «Парма». Никто не отреагировал.

Тогда Гоша организовал свое издательство, и даже в мэрии кое-кто с заведомым теплом отнесся к новой фирме. Но надо было пару раз ритуально ударить челом то ли в направлении Госимущества, то ли... В общем, издательства у него уже нет, а есть работа в типографии, и платят неплохо.

И чего Гоше не хватает?

А Троцкому чего не хватало? Отец его был одним из немногих еврейских помещиков, детство Левы прошло в роскоши.

Гоше не хватило терпения, – вещал отец алкоголика. – Уже все знают, что революционерам не хватало этой драгоценности – терпения.

– Слишком медленное развитие – тоже плохо, активным людям некуда сбрасывать свою силу. Царизм – ну очень медленно эволюционировал... вот и получилась революция.

- Ну почему же история никого не учит?
- Учит, но только тех, кто хочет учиться.

Но вдруг все склубились в одно веселое тело. А-а-дин са-алдат на свете жил: красивый и а-атважный...

Однако уже через пять минут мать алкоголика тихим голосом вдруг начала: куда что девается-то! Сын в детстве такой был... видел, что в слове ВОЙНА есть ВОЙ, а какие вопросы задавал: «Почему жареное вкуснее вареного?» А теперь на его лице один-единственный вопрос: «Чего бы еще выпить?»

– Он прошел трудный путь от начальника партии до лаборанта, – это было начало речи, так и не законченной его отцом.

– Видела в бухгалтерии цветков: внутрь себя цветет! Надо же, среди растений есть тоже... а когда отцветет, коробочка открывается, и семена высыплются наружу все-таки.

– Так у нашего тоже семена наружу! Внука-то он нам родил. Ты видела, как чеснок пророс у нас в холодильнике – при пяти градусах! И не просто пророс, а заветвился обильно!!! Тогда обещала мне пример брать с чеснока – учиться стойкости, а сама...

Вдруг все бросились рассказывать друг другу о чудесах. Даже окно разинуло рот-форточку, впусив ворох веселого снега.

Хромовы поведали историю о ведре снега:

– Только что слышали на остановке. Одна женщина – другой, про брата. Брат ее алкоголик, приносит домой ведро снега, садится, берет ложку и начинает есть. Она в ужасе вызывает психбригаду. Не едут, говорят, не агрессивный, – неожиданно Инна резко перешла на точку зрения женщины с остановки (тут не точка зрения, целая площадка!) – И хорошо, что психбригада не приехала! Доедает братик ведро снега и бросает пить. На работу устроился...

– Женщины вокруг зашевелились! – подсказал Михалыч.

– Не исключено.

– Ведро снега съел! – вскрикнула мать алкоголика. – Обет дал или что?

– Никто на остановке так этого и не понял.

Наступила очередь матери алкоголика.

– А у нас на работе вообще вот такая история. К одному солдату в Чечне приехала мать. И попросила командира отпустить ее с сыном погулять вокруг части. Тот почему-то согласился. Походили, поговорили. Вдруг услышали разрывы. «Мама, это минометы по нам работают, я должен бежать». Прибежал, а из части никого в живых не осталось. Пишет он матери: «Мама, меня спас твой приезд. Спасибо тебе за это». Она ему отвечает: «Сынок, я никуда не ездила, мне некогда, я весь отпуск на огороде и молюсь Богородице о тебе...»

– И все, что ли? – спросил отец троцкиста (он с женой ждал, когда же будет чудесное исцеление от троцкизма).

Это был День Конституции, и конституция ждала, когда же о ней заговорят. Потом она дождалась: Михалыч вспомнил предлог, из-за которого состоялся весь их сбор:

– Выпьем, наконец, за конституцию! Она у нас, кстати, хорошая.

– Плохих конституций не бывает, – заметил отец алкоголика.

В ответ отец троцкиста плотоядно улыбнулся, как бы говоря: эх, будь у этой конституции широкие бедра да грудь, я бы знал, что с ней делать! После этого он напел:

– Ай-яй, троцкизм в глазах, – и вдруг жадно стал доедать салат из морской капусты, принесенный Леной.

– Игорь, хватит жрать, – сурово останавливала его жена.

Но он не успокоился, пока все не съел, сгоряча заодно прикончив кальмаров, тоже Леной приготовленных. Чем бы еще победить троцкизм, думал он, оглядывая стол.

- Утром хозяева, то есть родители алкоголика, говорили, навоядя порядок:
- Если бы нам сказали: «Выбирайте! Ваш сын будет троцкистом или пьяницей?»
- Так мы бы ответили: пусть лучше пьет.
- Да, алкоголик лучше троцкиста.

Тут сразу же позвонила невестка. И она еще говорила: «Здравствуйте, это Галя», а у них уже тревожная сигнализация включилась: задергались мышцы, запрыгали веки. И не зря: через уши – двери мозга – вломились грабители. Хотя с виду это были тихие слова Гали:

– Я хочу с вами посоветоваться... Что делать? Он вчера опять напился, пришел в четыре часа утра с шабашки, не помнит, где потерял дрель за шестнадцать тысяч...

- За шестнадцать тысяч... – вторили родители.
- Приходили, взяли расписку, что вернет в течение месяца...
- В течение месяца... Галя, вот что, слушай: мы все обсудим, потом тебе позволим.

Взяв таким образом передышку, мать алкоголика схватила сумки и побежала на рынок. Муж встрепенулся и стал размышлять, как ослабить давление жизни. То ли поправиться рюмкой, то ли супчиком горячим.

Жена в это время брела, отплевывалась от метели и бормотала:

– Алкоголик не лучше троцкиста! Оба хуже! Вместе записались в интернационал зла. – Она взмахивала двумя сумками, как курица крыльями. – У одного гордыня через алкоголизм выходит, а у другого – через троцкизм. Ах, вы меня не признали, так я вам всем покажу...

Не помня, как наполнились сумки, вся в поту, в снегу, с перекошенным от ледяного ветра лицом она ввалилась в детскую поликлинику, с мерзлым грохотом пробежала в холл, за шторку.

Дело в том, что за несколько лет до этого жена главного врача опасно заболела и дала обет открыть часовню, если выздоровеет. Вот и открыла.

Напротив часовни дверь была распахнута – там дежурил врач неотложки. Он посмотрел на эту разваленную на полкоридора женщину, которая с набитыми сумками сразу лезет к иконам. Снег могла бы отряхнуть! Где же уважение к святыням! Но уже привык, что так и лезут, без конца молятся за своих детей. Ошибок наделают, не закаляют, а потом осложнения!

Когда она оказалась дома и услышала, как сумки со стуком брякнулись на пол, муж приканчивал тарелку густого горячего супа.

– Как рано темнеет: включи свет! Знаешь, я тут насчитал, – говорил он в промежутках между ложками, – что закодировалось уже восемнадцать знакомых.

– Нашему заразе тоже давно уже пора. Я даже молиться за него не могу, так, деревянно как-то перед иконами отчиталась. – Но перекосы каким-то образом испарялись с ее лица.

А муж свое:

– Недопекин закодировался, Юрий закодировался, Перепонченко тоже, когда руки в сугробе чуть не отморозил.

– А букинист? Кодировался, но запил.

– Это один, а восемнадцать уже навсегда не пьют!

Завязался спор: навсегда или не навсегда. В результате через полчаса:

- а) селедка протекла на хлеб,
- б) слиплись вареники с капустой,
- в) муж долго и безуспешно гонялся по квартире за женой, которая убежала с криком «Пост! Пост!»,

г) робко посеялся росток надежды высшего качества, то есть совершенно беспочвенной, на то, что сын излечится от алкоголизма.

А в это время Лена и Михалыч вошли в спальню, начали раздеваться, погасили свет... А что же дальше? Опять та самая проклятая неизвестность!

Тут еще не хватает костюмов и носов для родителей троцкиста и алкоголика, но так за них болит все, что если будем лишние три дня их проявлять, то вообще занежем. А кому это нужно?

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

Её мать

Не отпущу ее никуда! Собралась, поехала! Кругом крушения! Уже три крушения. От жары. Раньше рельсы-то короткие делали, а нынче чуть не по километру, стыки редко. Вот они и гнутся от жары, как доски, их вспучивает горбом. Собралась в такое время! Вон асфальт мягкий, как сметана – куда тут ехать? Если надо просто съездить от нас, оттолкнуться, пусть берет путевку на море, и автобусом. До Судака можно вполне автобусом. Тоже переворачиваются, я не спорю, но нет столько жертв. Один-два – и все.

А тут вон седые приезжают. Парень знакомый весь поседел. Говорит: третий вагон с конца встал поперек как-то, и еще два вагона не упали. Те сгорели все, а эти остались. Так все седые повыскакивали, насмотрелись. Такой там страх! А я должна потом ехать ее где-то искать, обгоревшую! Нет уж, не хочу. Куда ей торопиться, к кому? Я так и говорю: матери у тебя там нет, дети тоже здесь.

А к свекрови нечего ездить: она вырастила никудаку, пусть сама с ним и живет! Настоящий никудака. Его ж не исправишь. Дерево выросло кривое – попробуй выпрями! Сто рублей он ей приносил, а все ему купи, для семьи несколько не старательный. Вон у Тутыниных дочка вышла замуж – муж во всем помогает. Это и счастье, когда люди друг другу помогают. И сама-то Тутынина с работающим мужиком век прожила – на меду искисла, и дочка. Вот уж правда: кому счастье, кому два, а кому и единого нет. Как пошла невезучка у нас в семье...

Муж у меня такой, что я цветы насажу-насажу, а когда зацветут, он все вырвет и к любовнице несет. Вот состарился, дочь выучилась, замуж вышла, уехала. Пожить бы спокойно – нет, мать моя сошла с ума. С молодости была непряха-неткаха, а тут стала ткать. Ткет и ткет половики, готова ночи не спать. Один брат терпел, другой терпел, ко мне наконец привезли ее. Кому она теперь нужна, каким невесткам!.. А я даже рада с матерью пожить, доглядеть, но она недовольна, что я ткать больше не велю. А куда велеть, если она все старье переткала, новое белье начала рвать. Там невестки не смели с ней спорить, ей снова к ним охота. Не понимает, что кому она нужна! Ткет и ткет. А куда их, эти половики?

А тут еще дочь от мужа приехала: он дубленку купил себе, а детям есть нечего. Теперь пишет, зовет, духи прислал французские. А зачем ехать? У меня чем ей плохо? Живет, как гостья, делать я ничего не заставляю, дети с бабушкой. Она и не ткет, когда за ними смотрит. И так их жалеет! А дочь пришла с работы, поиграла с ребятами, да и сиди читай. Хочешь в кино – пожалуйста, на танцы – пожалуйста. Она – нет, никуда. Мол, я поеду. А чего ехать? Ничего там хорошего уже не будет. Я ее ни за что не отпускаю...

Её сын

Я поставил стул, а ты сиди, мама, читай. Ладно? Так, на стул встану, и как будто ты пришла в парикмахерскую, ладно? Волосы постричь – чик-чик. Вас покороче?

А ты сиди, мама, читай. С тобой хорошо играть, потому что ты терпишь. Постригу вровночку, вот так. Теперь что? Освежить? Духи пахнут листиками деревьев. Это нерусские? Русские не такие вкусные. А я уже забыл французские слова. Шерше ля ви? Нет? Все равно здесь нет французской школы, как там, у нас. Я пойду в простую школу... Щеки кремом. Дай губы. Ты сиди, я не собираюсь тебе мешать. Ты такая красавица в парикмахерской! Ой, крем убежал. Тебе бы сейчас белое платье и свадебную панамку, тогда все на тебе захотят пожениться. Бантики завяжу. Да, я умею бантики завязывать. Конечно, все захотят, а ты им скажи: один раз все-таки женятся, ищите сами себе такую женщину. Я скажу им: у нас уже есть папа, он с нами занимается, отвожает в садик. Отваживал... отводил! Маму слушает, мама скажет: «Пойди умойся», он пойдет умоется. Ходит с нами на прогулку с велосипедом. Когда? Ну, особенно, конечно, с тобой ходим, мама... Ты у нас тоже хорошая. И папа. Чем? Тем, что ему захотелось исправиться, и он извинился. Ты сиди, как будто бы я приготовил тебя для поездки. А вдруг ты приедешь, а там другая мама. А у нее платье дырявое, башмаки рваные, волосы непричесанные, а сама злая, страшная, толстая, и от нее пахнет запахом. И ты скажешь: это нехорошая мама. Мы ее любить не будем. Мы любим свою маму, потому что она наша. И папа скажет: я буду тебе помогать. Всем мужчинам скажем: «Берите себе другую, у которой башмаки рваные, и сами покупайте ей белое платье и свадебную панамку». А мы будем жить с мамой и с папой, потому что он с нами разговаривает. А то бабушка кричит, мама молчит, а прабабушка ворчит. А Димка Тутынин убил камнем цыпленка. Сначала убил, а потом встал на него. Я хотел его столкнуть, а он говорит: «Иди, откуда приехали». Я ему сказал: «Ага, это не твой шар земли!» Потому что мы с папой занимались по карте. С папой счастье, потому что он с нами занимается, а у Тутыниных папа милиционер, и Димка одно слово только знает: «Мой папа вас всех вот!» – и показывает пальцами решетку. А мой папа их папу может... может... на облако закинуть. Нет, такие великаны только в сказках бывают, в них все бывает, сказка все своим умом может придумать. Мама, ты меня слышишь? Нет? Ну, ты сиди, читай, я не буду тебе мешать, только на ногах еще накрашу ногти. Дай первую ногу, а теперь – вторую...

Её бабушка

Что за куры – везде лезут, падины, Тутынины-то их сварят опять под видом того, что на ихних грядках гребутся. Вот и расслаживай скота!.. Пора мне в могилевскую губернию... Корми ты ребят-то! Нарви огурцов. Опять он побежал в огород – паршивый петух? Куда ты, тварина! Надо его зашибать, проклятого.

Вон картошку я сварила, вылупи ее, покорми их как следует, чего сидишь! Ну и что выходной – не убегут твои книжки-те. Ты когда их кормила, утром еще. В магазин сходи, раз конфетошные они у тебя уродились. Их порода, их порода! А ты-то тут же была! Чего так неналюбишь их породу? Когда бы невлюбле просватана была, а то сама его нашла где-ко там. Я увидала когда: во бородище! Жеребище! Не жалеючи уж материал – от заведено – Бог не пожалел на него. Опевал он тебя песнями.

Иди сюда, балбеско ты мой, смиреныш мой! Хочешь есть? Сходи ты в магазин, купи конфет, корми ребят. И яиц купи. Свои опять несутся где-ко у Тутыниных в сарайке. Вылуплено врагов-то, а этот только в огород – отсеку голову, сварю. Да купи игрушки там, машину-то эта бабушка им брала, он уж расклат. Та-то бабушка ничего не бирала внукам – ничем уж себя не изубытят.

Ты что – так ходила? Да ты погляди на себя: бантик на бантике сидит и бантиком погоняет. Люди-то шарахались от тебя, нет? Кто тебе их навязал, ребята?

Да ты в зеркало-то хоть глядишь, нет? Мне и на ум не выпадало, что можно так потерять тело. А какая ты была – кругом глаза! – шибко бойка. Не гонись за книгами, а гонись за ребятами. Раньше за книжками-то не гнались. Мне приснился этот,

из книжки, с бакенбардами – кто? Почему Пушкин? Пушкин-то вояка, что ли, был? Это Карл Маркс – вспомнила. Приходит и зовет на собрание. Я спросила: «Ты кто такой?» А он говорит: «Карл Маркс». Кто же он такой? Да ясно, что звал меня, наверно, в могилевскую губернию. Пора костям на место, живу восемьдесят девятый годочек, чужие уж года это... Вот и тку, нынче холста нет, пусть мой гроб на половиках вынесут.

Корми их, тебе говорят! Не гонись за работой, гонись за ребятами. Раньше так: чуть заболел – его в баню, все было приловчено как-то. Я маленькие венички для ребят навязывала. Гладенький лист выбирали, сам к телу прилипал. Пропреешь в баньке, веником-то назбачиваешься, так только здышут крылья-те.

А здесь ни веников, ниче, где побаньковаться. Уеду к старшему сыну опять, уеду! Ты письмо напиши ему – пусть приедет за мной. Купи ему рубашки-то, эти малы, я их на половики пушу.

Надо куриц кормить, а петух где? Зашиби ты его! Чего в телевизор смотришь? Корми ребят, а не про китайцев слушай, я их видела, они шелковые к нам на базар, в Отняшку, привозили. Сами-то косы длинные носят. Как когда то ли с французом воевали, то ли в первую германскую. Да, как же: и с французом помню, песню даже знаю, вот забыла начало – как он с Москвой подрался.

Сам себя избеспокоил, забирал в Москве иконы,
Погружал в свои вагоны – рожиться хотел
Он рожиться не рожился, только пуще разорился...

Пошел отсюда, скрипучее дерево – что за петух? Зарублю я твоего нелюба, тьфу, петуха. Мешаюсь умом – есть же счастливые люди, вовремя помирают. Пойду ткать. Ишь, близкослезая какая стала, без мужика-то года не прожила, а я с восьмерыми осталась, когда хозяйина елкой по голове, и он умер от излияния. Елка-то, она не спрашивает, есть семья, нет – ударила, и все.

Елка не спрашивает, есть семья или нет. Ударит – и все.

ДОРОГИЕ ГОСТИ

Мурка села на гостя Володю. «Она пришла на меня полинять», – сказал он.

– Уди, – говорю я кошке.

Напившись пирарцетама и цинаризина, я уже – как Брежнев – говорю через звук в слове. А завтра придут в гости московские писатели, а муж на работе до восьми! Дорогие такие гости: лучшие писатели! Как их принять, не знаю – нет здоровья-то. И зову Володю прийти – с шести до восьми помочь мне их принять.

– Таблетки кончились, – добавляет муж. – От реальности. Мы раньше гостям их давали, чтоб нашу реальность скрыть, но вот закончились... Чай крепкий, может, прикроет нашу реальность немного флером восторженности, а если не подействует, то придется им видеть все, как есть... во всей неприглядности...

– Да ладно, реальность пусть... – махнула я рукой. – Вон по ТВ показали Иртеньева, а перед лицом его муха пролетала несколько раз. Сейчас век реализма... Кстати, с писателями будет этот знаменитый критик, защитник и теоретик реализма, современный Белинский, так сказать. Из «ЛГ».

– Так, я должен играть роль мужа. И обнимать Нину можно, да? – Володя примерял ситуацию. – Можно обнимать?!

Дочери сразу добавляют:

– У нас папа не только обнимает маму, он зарплату приносит!

– Еще он каждый день делает нам массаж ног!

– Он стирает с тех пор, как мама заболела...

Гость Володя театрально представил ситуацию: одной рукой отдал зарплату, другой стирает, третьей – делает массаж, а сам все время спрашивает: «Скоро ли восемь часов?!» Гости-москвичи очень удивятся: зачем ему восемь часов, почему он так любит восемь часов...

– И вот в восемь я уже приду! – мой муж гарантирует, что мучиться Володе придется только до восьми.

– А тебя спросят: кто такой? Муж? Но муж уже здесь.

– Так, значит – ты муж Нины, а я кто? – значит, Володя. Еду к жене... Как, какой – к Марине! К твоей. Что – не нужно? Хорошо, остаюсь...

В общем, договорились. Девочки с утра вычистили чайник до блеска и вымыли все, что можно вымыть. Но я не учла, что гости придут с едой и вином – не раздвинула стол. Думала: чаем напою, и все. В помощь Володе пригласила еще Сережу (он был накануне тоже в гостях). Так, подстраховавшись, как мне казалось, основательно, я днем писала, потом шесть картин еще пальцем намазала, потому что Сережа как раз накануне краски принес в подарок, а я уже давно была без – наскучалась!

И вот звонок: два писателя, один критик, с ними зав. кафедрой литературы нашего университета и еще один пермский критик из «Вечерки». Ну, и с моей стороны: Володя и Сережа. Стол явно нужно раздвигать. А только раздвинули: оттуда пошли тараканы – аж двенадцать особей, все женского пола, т. е. с контейнером яиц... Боже мой! Как все закричали: «Тараканы, тараканы!» Что мне делать? Говорю:

– Всюду жизнь. Чего вы так кричите, это тараканам нужно кричать! Вы их пожайте, представьте: нас бы сейчас вдруг выгнали с насиженного места.

И стала я срочно в сознании гостей закрывать то место, где отпечатались тараканы: дарить в большом количестве картины свои! Какие понравятся – те и дарю! Лишь бы закрыть яркими красками тараканов...

А ведь перед приходом гостей я трижды прочла «ПАРАКЛИСИС» Божьей Матери, чтобы все прошло хорошо... Значит, плохо прочла, торопливо...

– Нина, ты точно подарила мне эти цветы? – спросил пермский критик. – О, они будут мне освещать утро! Я брексь перед работой, а они – освещают...

– А вот я написала: «Стефаний Пермский заглядывает в окна галереи, вопрошая, когда же отдадут верующим храм». Он в самом деле... его они видят, правда, Запольских говорит, что пить меньше надо работникам картинной галереи.

Только нарезали рыбу и открыли консервы с лососем, только запах хорошей колбасы и еще более хорошего сыра разошелся волнами по комнате, как Мурка прыгнула на колени московскому гостю. Он дал ей и рыбы, и колбасы, и сыра. Мурка была очень довольна гостями! А я была недовольна, что призванные на помощь Володя и Сережа молчат. Выпили, молчат. Поели. Молчат. Начинаю сама развлекать гостей: рассказываю страшную историю, что меня чуть не убила накануне...

– И тут со мной случилось самое страшное, что может случиться с человеком!

Все перестали даже жевать. Что они подумали?! Я срочно проясняю:

– Я совершенно, напрочь ЗАБЫЛА, ЧТО ЕСТЬ БОГ!!!

Все облегченно вздохнули и снова заработали вилки. Зазвенели рюмки... Защелкали фотоаппараты (гостей).

И тут пришел муж! Он в запасе имеет много способов развлекать гостей. Первый: прочесть страницу моих ежедневных записей. Уморительно выделяет голосом все сокращения: «и пр.», «и т. д.». Все лежали. Потом критик, современный Белинский, завел разговор о положительном герое, мой муж и Володя, сидящие за разными концами стола, все на пальцах сообщали друг другу, в какой степени они сейчас положительные (то плюс, то муж хотел два показать – двумя пальцами перекрыл один палец другой руки, но вышел крест, тогда он решил четыре плюса сделать, но вышла решетка, буквально тюремная... все визжали).

– Нина, так ты мне точно подарила эти цветы! Они будут освещать мне каждое мое утро!.. – повторял пермский критик, и его милые реплики были чудесной прокладкой между сверхинтеллектуальными фразами гостей из Москвы. (Без его реплик могло быть невыносимо высоко по накалу интеллекта!)

Мурка мурлыкала на диване: она была больше всех довольна приездом москвичей, на ее умном лице читалось следующее (буквально): «Как бы и впредь так развивалась русская литература, чтобы москвичи чаще приезжали и давали мне сыра и колбаски!»

Я демонстративно ничего не записывала за гостями, потому что сами писатели – сами свои реплики используют. За мужем только записала одну фразу про неудачное слово «интернет» – в нем «нет», значит... нет!

– Дайте, Нина, вашу повесть, которую не можете пристроить, – в «Москву» отдам! – сказал писатель В., с которым мы с девяносто седьмого года заочно знакомы (вместе тогда напечатались в «Октябре» в качестве молодых авторов).

А я видела накануне сон, что мы на телеге с мужем возьмем эту повесть. Слава сбоку идет от лошади, держит за поводья, а я сзади плетусь. Повесть лежит в папке, как покойник... в телеге, значит. Мы приходим в «Знамя», там сделан почему-то евроремонт, совсем не та обстановка, что была ранее. И в коридоре сидит Чупринин, берет повесть, листанул и положил в ящик. (В долгий ящик?) В общем, я уже по ТЕЛЕГЕ поняла, что долго нам ее не пристроить. И поэтому не иду искать для «Москвы». Нам уже вернуло эту повесть «Знамя»: сначала звонили к соседям, говорили, что берут. А через месяц снова звонили – уже отказ. И также не взяли ее в «Новый мир», в «Звезду». Вернул на днях (тоже звонили к соседям) журнал «Октябрь».

– Я потом вам ее пришлю, – говорю.

– Зачем? Ведь я в понедельник уже ее передам в «Москву»! Найдите!

У меня в рукописях беспорядок, но иду в соседнюю комнату, сразу почему-то нашлась повесть. Это уже хороший знак.

Гости в это время обсуждают мою картину:

– Если б я гулял вон по тому облаку, я б свернул вон в ту ложбинку с прохладной синей тенью, посидел бы – чайку попил и... дальше пошел... – завершает дискуссию мой муж, и я снова записываю за ним фразу (за ним можно).

Москвичи все время используют слово «проект». «У нас проект – печатать мемуары. У вас есть о местной литературной тусовке что-нибудь?»

– Есть, но в рукописях беспорядок, их слишком много...

– Найди, пожалуйста! Нина, поищи! Проект у нас!

Иду искать: нахожу экземпляр с восьмой страницы и еще один – вообще с двадцать шестой страницы. Начала нет нигде. Отдаю так... Настроение очень хорошее. Тут девочки пришли с прогулки, жадно сели слушать маркесовские истории писателя П. Буквально: потрясающе! Он работает в больнице, и все его истории начинаются с одной фразы: «У нас в морге...» (Забегая вперед, скажу, что еще два дня моя младшая дочь слово в слово пересказывала эти истории старшей сестре, старшему брату и другим – гостям нашим, ей, видимо, нравилось, что она как бы ВЛАДЕЕТ этими устными историями, ибо запомнила СЛОВО В СЛОВО)...

Наконец сосед по кухне стал мне выражать недовольство: я ему должна пятьдесят тысяч, не отдаю пока, нету. А гостей принимаю, мол. Я объяснила, что все принесли сами гости, он не верит в существование таких гостей...

Современный Белинский понял, что пора уходить, но писатель П. просил: «Еще пятнадцать минут», «еще полчаса». И прекрасные его истории лились, а мы только восклицали: это готовый роман, эпос, чудо. Боже мой!

Но вот истекли последние полчаса историй, гости уже одеты, обуты, и тут случается непредвиденное! Современный Белинский решил всем нахамить:

– А до встречи с вами я был БОЛЕЕ ВЫСОКОГО МНЕНИЯ О ВАШЕЙ ПРОЗЕ!

Муж не растерялся, сразу отвечает:

– Это поправимо: один рассчитанный точечный удар по черепу, и легкая амнезия обеспечена – ты снова будешь высокого мнения о нашей прозе, ибо забудешь о знакомстве с нами!

Гости поспешили уйти. А я легла с головной болью на кровать и говорю:

– Зачем он это сказал? Мол, пока не знал нас, так проза казалась вымышленной, а теперь видит, что мы – такие, как в романе!..

– Дорогая, успокойся, все позади, больше не будем принимать московских гостей-писателей-критиков, вот и все. Урок на будущее. Крученные они. Он то есть. Кстати, где его книга?

А гости подарили нам свои романы, повести, в том числе критик – свою подборку статей о реализме. Я открыла наугад первую статью «Белинского» – там много восторженно про настоящего Белинского, «неистового Виссариона»... Дальше читаю: «Реалист... лепит не по собственной воле, а по “образу и подобию”... и в этом счастье».

Говорю мужу: что же это – пишет одно, провозглашает, и в жизни... другое! Недоволен, что мы похожи на героев своих, что слишком реалисты... в натурализме даже обвиняет этим! Ужо вот напишу я НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ рассказ о нем, пусть увидит, как он отличается от романа! Там – глубина, а перед вручением «Букера» (не нам) о романе мы начитались в газетах московских и журналах – до двенадцати разных трактовок... а в рассказе будет один смысл... (И тут Мурка с укором поглядела на меня: о ней-то не подумали – кто рыбки привезет?!)

С утра и до порога

– Редкая пробка от шампанского долетит до нашего потолка! – сказал Кораблев и добавил: его мать путает бездействие с полетом, а время – со звуком, не дай нам Бог!

Но сначала в дверях воссиял Мыльников с букетом белых лилий: в каждой из них было желтое продолговатое пламя, как от свечи. Однако Кораблев не начал улыбаться до тех пор, пока не убедился, что в сумке у друга – шампанское. Еще оказалось, что Мыльников принес зеленые бокалы для шампанского (новоселье же, подарки нужно вручать, вот тут и прозвучала фраза про пробку, которой не долететь до потолка – потолки в новой квартире высокие).

– Три с половиной метра, – сказала Людмила Кораблева печально, чтоб дать понять гостю, как дорого достались им эти высоты (пришлось съехаться со свекровью).

Анна Владимировна, мать Кораблева, уверяла, что она летает плюс заявление, что все Людмилы – людоедки, минус изучение сорока иностранных языков (хотела изучить сразу сорок восемь и просила купить журнал «Курьер Юнеско» на всех языках, но смогли достать только на восьми).

– Теперь мама говорит: слаб человек – смогу выучить лишь восемь языков.

– А у меня и такой слабости нет, – развел руками Мыльников.

– А ты знаешь, отчего поднимаются дрожжи? А сына вот сегодня спросили в школе.

Всех, кто поступает в первый класс, тестируют по новой системе... Я – кажется – начинаю понимать, от чего поднимаются дрожжи – от ужаса перед такими вопросами, – он изобразил поднимающиеся дрожжи (в основном – надутым щек).

Андрейка, сын Кораблевых, выбежал с подробностями:

– Еще, главное: чем отличается девочка от ку-у-кы-ы, – он хорошо передавал манеру психолога цедить слова. – Я сказал: девочка – она живая, а кукла – примерно как вы!

Потом психолог вызвал меня в соседнюю комнату: мол, ребенок очень агрессивный. А будешь тут агрессивным. – Людмила протерла бокалы. – Мне чуть-чуть налейте.

– Мы чуть-чуткие... А шампанское от красоты этих бокалов кажется еще вкуснее!

А бокалы казались прекраснее из-за налитого в них шампанского, все ощущения закольцевались, и каким-то образом сюда, в это кольцо, входили лилии со светом свечей внутри. Но в это время из комнаты Анны Владимировны послышалось дикое пение.

– Уж лучше посох и сума! – прошептал гость.

– Нет, не сума! – закричала Людмила. – Мыльников, скажи ты ему, чтоб снова пошел к этому Мерингу! А то целыми часами бродит по квартире, скоблит свою волосатую грудь... Ну подумаешь, редактор спросил: «Можешь ли ты пройти по городу голым?» Если теперь всюду тесты, даже в первый класс!

– Люд, когда ты молчишь, мы тебя понимаем, так веди себя понятно, а?! – И Кораблев снова выпил – на этот раз за устройство на работу.

Он ждал прихода так называемого кайфутки. Уже в ушах от шампанского начинает посвистывать, а все еще нет его – кайфутки. И вдруг скачок произошел! Полусухой шампанского промчался, оставив вокруг счастливых собеседников.

– А где сын, Люда?

– На фонтане.

– А фонтан где?

– У дворца...

– Королева играла-а в башне танка Шопена-а, – донеслось из комнаты Анны Владимировны.

Вдруг с улицы донесся сильный порыв ветра.

Кораблев увидел в окно, как заспешили прохожие. У бежавшей по своим делам женщины из выреза платья выскочила тяжелая грудь. Деловым движением кормящей матери она запровила грудь обратно в платье. Кораблев заметил, что у пробегающей мимо собаки, видимо, тоже кормящей матери, соски захлестывались на один бок. «К щенкам своим торопится».

Почему жизнь выплеснула навстречу его взгляду именно это? Может быть, произошла передача истины непосредственно от мира человеку? Что самое главное в жизни – материнство! И он, Кораблев, – должен смиренно все от матери выносить!

– Послушайте! – крикнула им Анна Владимировна. – У клеща есть эта... не личинка, а лимфа! В газете написали. Рома где? Вы его не отпускайте одного – там лимфа!

– Да здравствуют нимфы, киприды, дриады! – поднял очередной бокал Мыльников.

– А также – лантаниды и ланцеты! – добавил Кораблев. – А Менделеев бы не пропал в Гулаге, он бы смог гнать там суперцифирь или спирт.

– Саша, ты позвонил в Кремль? – громко спросила Анна Владимировна.

– Я не Саша, а Андрейка – не Рома. (Он имел глупость недавно громко сказать, что видел на заборе надпись «Кремль – на мыло!» – теперь мама просит предупредить правительство.)

Мыльников вдруг заявил:

– Как человек грубый, я налью себе сам.

– Наливай, а я уже на том берегу.

– А мне налейте полбокала, – сказала Людмила.

– Полбокала ей и власяницу.

И тут пришел от фонтана Андрейка, пытался сосчитать бутылки: сколько будет пять да три?

– Будет ужас, – ответил ему Мыльников.

Людмила пошла проведать замолкнувшую свекровь. Анна Владимировна спала. Из рта ее торчал недожеванный кусок дневника. Людмила хотела осторожно достать его, но зубы мертвой хваткой держали бумагу. И тут Людмила поняла, что свекровь умерла.

В это время раздались бешеные звонки в дверь. Голос соседки:

– По радио сказали: создавать спасательные отряды! Будет ураган... ветер какой-то в секунду.

– Спасибо, спасибище! – И сразу после ухода соседки Кораблев начал возмущаться: – Как будто кто-то когда-то кого-то обучал! Спасательные отряды! Спасать – это надо уметь...

Людмила предложила: Андрейку в ванну спать положить, если стекла полетят из окон – он будет в безопасности.

– А маму куда?

– Она отлетела.

– Не надо шуток в такую минуту. Опять выброс под себя?

– Говорю тебе: душа ее отлетела.

Какая-то полупрозрачная стена на глазах Кораблева пошла трещинами и рухнула. Это – оказывается – была стена между ним и миром мертвых. Он увидел обрыв и черноту, но не отступил, а смотрел и смотрел в эту черноту, от которой – видимо – его раньше заслоняла мать.

О КРАСОТЕ

(из цикла «Первые рассказы»)

Однажды во время прогулки – уже незадолго до родов – Лина села отдохнуть возле детской площадки и загляделась на кудрявого трехлетнего толстячка в песочнице. Загадала: если у него в имени будет буква «д», значит, у нее родится мальчик.

– Денис?

– Пых-пых...

– Дима?

– Тебе какого Диму – меня?

– Ты – Дима?

– Дима Ракитин.

– У тебя хороший трактор.

– Мне папа подарил.

– Любишь папу?

– Нет, он нас бросил, и мы его выгнали.

– Куда выгнали?

– На улицу. Он будет валяться в луже, – мальчик улыбнулся, воображая это – вообще-то заманчивое – занятие, и добавил в картину красок: – и все его будут кусать.

– Кто его будет кусать?

– Все. И собаки.

– Ну! Ты у меня получишь! Опять понесло тебя? – налетела откуда-то сзади Диминая мама. – Ногами бы так работал, как языком!

Дима спокойно ответил:

– Не кричи.

Мама мальчика уселась тяжело рядом с Линой и запыхтела: пых-пых...

– Какой ребенок чудесный! – сказала Лина, полагая, что любую мать можно так расположить к себе.

– Надоел он мне! – отрезала женщина.

Лина откинулась на спинку скамейки и внимательно посмотрела на нее. Никакая это не женщина, а просто толстая девчонка лет девятнадцати. Очень некрасивая с беззубым перекошенным ртом. Кожа бурая – в рытвинах. «Молодая Баба-яга», окрестила ее Лина и спросила:

– Это ваш сын?

– Спрашивают! Все спрашивают! Представьте – мой собственный! – и молодая Баба-яга закурила.

Лина подумала: судьба награждает вот таких, а у нее еще неизвестно, кто родится...

– Хромой придурок! – сплюнула Баба-яга, когда Дима, прихрамывая, перешел на другое место со своим трактором.

– А что с ногой?

– Откуда я знаю.

– Врачи что говорят?

– Какой от них толк! Ты, говорят, наверно, утягивалась во время беременности. Я и без них знаю, что утягивалась.

– Как – утягивалась?

– Да просто: полотенцем. Ну, парень, с которым я ходила, сказал: чего ты живот распустила. Я ему: беременная. Не ври, говорит, хоть утягивайся, а то ходить с тобой не буду.

– А потом?

– Суп с котом.

– Значит, вы решили рожать, но все равно утягивались?

– Да не от этого же хромота, наверно.

– А от чего?

– Может, дезинфекцию какую занесли, когда рожала. Два укола каких-то ставили... Я не хотела его из роддома брать, да уж такой красивый родился. Все смотреть ходили. Думаю: возьму уж. Не знала, конечно, про ногу-то.

– А где тот парень? Он ведь отец ребенка?

– И я говорю ему: отец, а он не верит. В кого, мол, такой красивый. Не моя кровь. Игрушку принесет, нервы только потреплет и уйдет.

Лина пыталась хоть что-то понять. Перепутали детей в роддоме? Исключительно редко, но бывает же. Однако хромота – результат утягивания. Неужели природа создала это чудо, чтобы показать, что дети – дети не только родителей, но и природы? И каждый может надеяться...

Плач ребенка вернул ее к действительности: Дима с кем-то подрался из-за трактора.

– Весь в отца – скупой, – проворчала Баба-яга и тут же закричала: – отдай свой агрегат, поиграй пасечкой!

Дима повиновался, лишь запыхтел громче: пых-пых...

– Какой пасечкой? – спросила Лина.

– Ну, на работе у нас формочками зовут, а я больше пасечкой.

– Где вы работаете?

– В садике. Где больше-то, – ответила Баба-яга (так обычно деревенские, приехав в город, продолжают вскользь упоминать имена и события, словно абсолютно всем известные).

– Вы из деревни приехали?

– Ну, из деревни, а что тут такого!

– Как же удалось устроиться в детский сад? – Лина имела в виду: кто же принял женщину, которая утягивалась во время беременности – она к детям-то как относится!

– Как же ты работаешь? Ты ведь детей не любишь?

– Люблю. Как же их не любить? Только сил моих больше нет.

Лина вдруг не умом, а как-то животом и нервами поняла, что сил у Бабы-яги – молодой, неопытной, необаятельной, а потому еще более одинокой – действительно нет. Она представила свое будущее – одна в общежитии с ребенком... А если опять полгода не будет горячей воды? А как добывать ясли? Разве только устроиться туда работать, как Баба-яга... Надо ей подарить что-нибудь. Открыла

сумочку, вытащила оттуда книгу о Крамском и стала рыться среди мелочей косметики. Вдруг Баба-яга вцепилась обеими руками в книгу, точнее – в суперобложку:

- Вот-вот!
- Нравится? Это репродукция с картины «Неизвестная».
- Только бы один день такой побыть, а потом и умереть не жалко...
- Один день – что?..
- Да прожить в такой красоте, а потом и помереть не обидно!
- Неужели умереть не обидно?
- Не жалко.

Лина не удивилась, что Баба-яга имеет свои счета с красотой, словно даже ждала чего-то такого. Смутная догадка о причине Диминой удивительной внешности заставила спросить:

- А Диму носила – о красоте думала?

В ответ та шумно запыхтела, злость ушла с ее лица, уступив место мечтательности – той самой. Которая может преобразить даже самое уродливое лицо.

– Дура же я была! В школе еще училась, спать ложусь, шепчу: хочу быть красивой! Хочу быть! Потом плюнула на все это. Потом, когда его в городе уже встретила, к бабке даже ходила – не помогло. Опять плюнула. А забеременела – некогда было мечтать... парень этот, ну, Димкин отец, Васька, уехал. Вот и утягивайся для них. Димка родился, смотрю: как цветочек. У других все рожи красные, а мой смуглый, черношарый и как цветок. Видно, внутри где-то сидела же красота, потом на ребенка вышла.

Она закурила очередную сигарету. Несмотря на внешнюю неуклюжесть, движения у нее были ловкие, быстрые, даже красивые. Или Лина уже по-другому смотрела на нее. Вдруг что-то толкнуло ее сказать:

– Знаешь, а я – фея. Могу взмахнуть палочкой, и... вся красота с ребенка перейдет на тебя. Вася твой приехал, значит, обратно в Пермь? Он увидит тебя... А Дима мальчик, ему зачем красота!

– А-а? Да? Можешь? – захлебнулась Баба-яга, но тут же сникла: – да нет, не надо, Фая.

- Почему?

В ответ та посмотрела на нее презрительно, потом сплюнула:

- Да врешь ты все, Фая!

ВЕЧНЫЙ ВЫБОР

– А дедушка мне показал березу, на которой прыгали двенадцать мартышек. И вдруг все они слились в одну – выше дома. Она расправила крылья и улетела к облакам. Потом превратилась в тучу...

Булькали и бурлили ручьи. Подготовительная группа детсада пробивалась сквозь весну в бассейн. Из середины строя поднялось растрепанное пение:

Малиновки слышав голосо-о-ок,
Припомню я забытые свиданья-а-а...

Наталья Васильевна профессиональным вниманием охватывала все: и песню, и потасовку Димы с Виталиком, и рассказ про обезьяну-тучу. Сегодня она неожиданно ощутила себя легкой, как облако. Ловко перепрыгивала через небесно-голубые лужи и подпевала детям:

Пра-а-шу тебя: в час розовый
Напой тихонько мне...

Вспомнила, что Савич называл ее голос «пионерским», а уж он в этом разбирается. Ну и пусть разбирается, пусть занимается своим драгоценным баритоном

и слушает свою мамочку! Инженер, который рвется на сцену... Пусть-пусть! А она устала. Все. Поедет в отпуск.

Тут она заметила, что Саша Галдобин бьет себя по ноге сумкой с бельем. Он остался без пары. Наталья Васильевна взяла его за руку и повела рядом, чтобы он не впал в мрачность. Саша все время задает вопросы, не просто задает, а ноет: «А имени Сергея Тимофеевича Аксакова улица названа? А почему не названа? Разве “Аленький цветочек” плохая сказка?»

Весь мир временами кажется Саше несправедливым, безрадостным и – прямо скажем – глуповатым. Наталья Васильевна жалела таких мальчиков за «горе от ума». Глупых она тоже жалела, и любила всех. Когда кто-нибудь из детей заболел и не приходил, ей казалось, будто не хватает пальца на руке.

Саша вдруг сжал ее руку, вздохнул несколько раз очень тяжело и заныл:

– Наверно, я уже никогда-никогда не буду дружить с девочкой!

Это поветрие – дружить парами – принесла в группу Алла Буракова. Ее старшая сестра вот уже месяц как является за Аллой неизменно в сопровождении какого-то чахлого подростка. А подготовишки – как мартышки – все как один теперь подражают.

– Саша, дружи-ка ты с Аллой Бураковой!

– С Аллой! – задохнулся от возмущения Саша и встал посреди лужи. – Она же ничего не знает, даже путает Чуковского и Чайковского. Хотя один Корней Иванович, а другой Петр Ильич. Как их можно путать!

– Н-да, – сказала Наталья Васильевна и подумала: «Сына бы мне такого!» – Ирина Харапова – умница, она лучше всех на занятиях отвечает.

Мальчик поморщился, как от горького лекарства:

– Ага! Она все время делает мне замечания.

Наталья Васильевна подумала, что она тоже часто делает замечания окружающим – профессиональная привычка. Как от нее избавиться?

– Выбери-ка ты, дружок, Тоню.

– Тоня плохо дежурит по кухне. А еще девочка!

– Катя отлично дежурит.

– Катя толстая! – возмутился Саша.

Наталья Васильевна вздрогнула. Савич тоже упрекал ее в – как это лучше сказать? – полноте. Но что делать, если не хватает силы воли сесть на диету! Лишний раз постряпашь – насладишься жизнью. Но в конце концов прав Саша Галдобин: нужно худеть.

– Саша, а что Люба Юрлова?

– Наталья Васильевна, разве вы забыли, что Люба кусается! Как маленькая.

– Ах да. А Люся тебе нравится?

Оказалось, что Люся всегда лохматая, что у Ани слишком громкий голос, а Рая – плакса. Наталья Васильевна уже вошла в азарт и стала выкликать имена девочек прямо по списку:

– А Оля Боева?

– Обзывала. Она говорит, что раз я Галдобин, то всегда должен галдеть.

– Света никого не обзывает.

– Света – вруша! Она говорит, что если ее фамилия Журавлева, то ее прапрабабушка была журавлем. И что на Черном море она видела такую акулу: от улицы Газеты «Правда» – и до Камы. А такой акулы не может быть все-таки, может только от Газеты «Правда» до Комсомольской площади.

Наталья Васильевна вспомнила, как в прошлом году сказала Савичу, что стала заведующей детсадом. Но ведь тогда в самом деле она целый месяц выполняла обязанности заведующей и справлялась. «Скажу ему, что теперь я опять воспитательница», – решила она.

– До чего ты привередливый мужчина, Саша! Что же ты скажешь о Нине?

– Как я могу дружить с Ниной, если она все время болеет заболеваниями!

- Какими?
- ОРЗ.

Наталья Васильевна начала мрачнеть. Ведь она в последние годы слишком часто стала хворать, и все ОРЗ да ОРЗ. «Закаляться нужно бы», – неуверенно решила она про себя. И спросила у Саши:

- Ну, а Марина чем тебе не подходит?
- Марина? А к ней неудобно ходить, вот! – обрадованно заявил мальчик. – Мама не отпустит меня через три улицы переходить.
- Может, с Наташей будешь дружить?
- Не знаю...

Пока он раздумывал насчет Наташи, дошли до бассейна. С минуту пришлось подождать выхода предыдущей смены, и дети облепили Наталью Васильевну, оттеснив Сашу. Одни что-то говорили, другие – спрашивали, третьи просто взбирались на нее и повисали, как обезьяны на пальме. А громче всех звучал рассказ Лены Михайловой о их кошке Клепе, у которой родилось двадцать шесть котят, которые потом слились в одного котенка до трех метров. Не успел этот трехметровый котенок никуда улететь, как позвали в раздевалку.

Только-только разделись и вошли в ванну, как Лена уже начала:

– И вот дедушка повел меня в лес, и мы увидели, что на лужайке медведи водят хоровод, а в середине жених и невеста. Невеста-медведица в платье из листьев и в фате, украшенной белыми ромашками...

– И тут жених и невеста слились в одного медведя?.. – продолжал было Саша Галдобин.

– Отойди! – отрезала Лена.

Саша совсем не хотел обидеть ее, поэтому предложил Лене очки для плавания. Но она уже взяла Димины очки. Тогда он жвачку ей хотел отдать, но Лена сказала, что Виталик уже подарил ей целых пять пластиков. Наталья Васильевна знала, что Лена была капризна с мальчиками в меру: невозможного не требовала ни от кого. В группе она просила читать ей, потому что сама еще не умела. А здесь, в бассейне, просила, чтобы не толкались. И стайка мальчиков охотно слушалась ее.

Из бассейна шли быстро: спешили на обед. Наталья Васильевна уже не перечисляла Саше оставшихся девочек, а спросила так:

- Сам-то ты кого бы выбрал из девочек?
- Лену Михайлову, – непреклонно ответил он.
- То есть как Лену? Почему Михайлову?
- Потому что... Потому что я ее люблю.
- Любишь, толстую?
- Она средняя. И уж не Кащей Бессмертный мне нужен, конечно.
- Но она тоже врет!

– Наталья Васильевна, она – фантазирует, все выдумывает. А когда она врет, я знаю.

- И болеет часто!
- Так она ж не виновата!
- Да чем же она лучше других?
- Поделки хорошо делает – раз. И знаете: все-все в мире выполняют ее желания! Да! В прошлом году она пожелала, чтобы войны не было, и не было же!